

Япония: жизнь после цунами

Как восточный фатализм помогает бороться с техногенными катастрофами.

После аварии на атомной станции «Фукусима-1» стране приходится нелегко: затраты на борьбу с «ползучей радиацией» считают в триллионах иен. Время от времени российские СМИ публикуют тревожные вести под громкими заголовками, например, о том, что рис, выращенный в провинции Фукусима, серьезно заражен радионуклидами. Корреспондент «РР-Онлайн», побывавший в Японии, рассказывает о том, на основе каких данных формируются подобного рода новости и как на самом деле живут японцы под боком у своего «мирного Чернобыля».

Иные романтически настроенные мистики полагают, что японцы — это замаскированные эльфы. В плотном окружении крошечных старичков и старушек, ожидающих, как и я, отправления рейса JAL Москва-Токио, я готова была в это поверить. Маленький народец, очевидно, только что завершивший вояж по бескрайним просторам нашей родины, весело кипел своей жизнью и искоса поглядывал на немногочисленных крупных соседей-«гайдинов». В первый раз в жизни я почувствовала себя высокой блондинкой.

В аэропорту Нарита крошечные старички и старушки смешались с толпой, и я вздохнула с облегчением – средний рост современных японок составляет 160 сантиметров (как раз «мой размерчик»). «Если кому-то нужны наличные, то менять валюту лучше сейчас – в городе банкоматы редко принимают ваши карточки», – предупредил гид.

В июле в Токио – жара за 30 и почти стопроцентная влажность. В таких условиях русский человек моментально становится мокрым и блестящим, как морской котик. Местные же девушки, в джинсах и платьях с длинными рукавами, сияют белыми, матовыми, словно только что припудренными лицами. Загар здесь – моветон, метка молодежной субкультуры, и японские женщины обороняются от него с тем же маниакальным остервенением, с каким русские «бронзовеют» под южным курортным солнцем. В онсене (традиционной купальне на горячих термальных источниках), куда нас, группу российских журналистов, повезли прямо из аэропорта, и где даже полотенце вокруг талии не обернешь – такие строгие правила, – не было ни одной женщины со следами от купальника на теле. Японская белокожесть чем-то неуловимо отличается от европейской: тело словно отсвечивает рисовой бумагой, и легкий оттенок слоновой кости естественно маскирует то, что европейки стремятся скрыть загаром – синеватые и зеленоватые отсветы кожи, замеченные и воспеты постимпрессионистами.

Но таково, наверное, свойство местности, что даже в простом телесном удовольствии присутствует легкий привкус мазохизма. За обедом (кстати, в онсене можно не только поесть, но и поспать) я лениво размышляла о том, не плавала ли рыбка, лежащая на моей тарелке в виде сасими, в фукусимских водах, и не съем ли я сейчас что-нибудь этакое, что на всю жизнь осядет радиоактивной меткой у меня в костях. Как выяснилось

несколько позже, мои опасения были не так уж далеки от истины: как раз в те дни по всей торговой сети Японии шла охота на радиоактивную говядину, просочившуюся туда по вине некоего фермера из Фукусимы, который «по старинке» хранил корма для животных под открытым небом. По информации японского Министерства здоровья, труда и благополучия, отдельные образцы, «выловленные» в Токио и Осаке, давали до 4300 Бк/кг по цезию-137. По нормам, утвержденным г-ном Онищенко в 2003 году, предел годового поступления в организм с пищей цезия-137 составляет 77 000 Бк/год, или 210 Бк/сутки, если распределить эту дозу равномерно на 365 дней. Так что вполне реально было вместе со 150-граммовым стейком съесть «трехдневную норму» этого изотопа, хотя, наверное, особого вреда здоровью это бы не принесло.

Япония и радиация – ассоциация, сложившаяся еще во времена Хиросимы. Может быть, потому, что страна пережила атомную бомбардировку и ее последствия, «ползучий Чернобыль» на северо-востоке не вызывает особой паники – никто не пакует вещи, чтобы «валить из этой страны». В районах, окружающих станцию «Фукусима-1», по-прежнему выращивают овощи, разводят скот и ловят рыбу. Сельхозпродукция региона Тохоку (производство остановлено лишь в «зоне отчуждения») выборочно проверяется на содержание радиоактивных изотопов йода и цезия – для каждого элемента меню, будь то рыба, чай, пшеница, молоко или мясо, разработан собственный график регулярных проверок. Если в трех одновременных пробах, скажем, грибов из Токамати обнаруживается повышенное содержание радионуклидов, то на их закупку накладывается временное ограничение. Оно может быть снято после того, как в ходе последующих проверок будут получены чистые пробы, и тогда грибы снова выйдут на рынок. Разумеется, правительству важно избежать экономического коллапса региона, и оно стремится поддерживать баланс, но система работает – сайт Министерства здоровья, труда и благополучия так и пестрит сообщениями о наложенных и снятых ограничениях. Японцы воспринимают происходящее философски, а вот иностранцы побаиваются – турпоток в страну Восходящего Солнца восстановился пока лишь частично.

«Япония? Куда ты едешь, ведь там радиация!» – в один голос ахнули мои мама и дочь. «Ничего, за неделю много не нахватаю», – легкомысленно ответила я. Тем не менее, запаслась красным вином, орехами, сухофруктами (по слухам, афганские моджахеды могли на горсти орехов продержаться весь день) и бытовым дозиметром РКСБ-104, который умеет мерить излучение цезия-137 в растворе и на поверхности. Помня об опыте корреспондента «РР» Павла Бурмистрова, который, прилетев из Японии в конце марта, вынужден был оставить в аэропорту зараженную одежду, я долго выбирала что-нибудь такое, что не жалко будет выбросить. К счастью, вовремя вспомнился школьный курс начальной военной подготовки: дезактивация обмундирования и техники производится раствором детергента, а им вполне может служить обычный стиральный порошок.

Впрочем, партизанское настроение покинуло меня уже на второй день пребывания в Токио. Наверное, подействовала тонкая, незаметная глазу взвесь первосортного японского фатализма, разлитая в воздухе. А может быть, просто порадовали результаты первых замеров радиоактивности, сделанные в номере гостиницы. По иронии судьбы, в городе, расположенном всего в 200 километров от аварийной станции «Фукусима-1», радиационный фон заметно ниже московского. Пол, обивка кресла, подошвы моих туфель, часа два топтавшие тротуары токийского района Сибуя, и даже каким-то чудом обнаруженные многомесячные пылевые отложения в шкафчике под телевизором, – все эти поверхности содержали меньше радиоактивного цезия-137, чем подоконник моей квартиры в Москве. То же и с водой: наш «Святой источник», специально

привезенный с собой в качестве контроля, «фонил» сильнее, чем токийская водопроводная вода. А уж если сравнивать просто водопроводную воду, то разница в показаниях счетчика между Москвой и Токио составила почти 25% (увы, не в нашу пользу). Результат, в принципе, вполне объяснимый: резкое усиление радиационного фона наблюдалось в Токио лишь первые пару недель после аварии, а затем фон потихоньку сполз в зону нормы, где и пребывает вот уже много месяцев подряд.

Утренний Токио куда удивительнее, чем вечерний. Вечерний похож на все города мира, утром же можно видеть нечто совершенно особенное, настоящую изнанку европеизированной японской жизни – достаточно лишь посмотреть на толпы мужчин, спешащих на работу. Монолитная масса людей в одинаковых белых рубашках (все как один – с коротким рукавом, потому что этим летом в офисах кондиционеры были настроены на +28 градусов – нация сэкономила электричество) текла по улицам, как хорошо вымущированная армия, получившая команду «Вольно! Разойдись!» от своего неведомого полководца. Сходство между «солдатами» усиливалось выражением лиц: грозно-сосредоточенным, отрешенным, суровым, почти озлобленным. Я встала лицом к толпе и стала смотреть людям в глаза, пытаюсь поймать хоть чей-нибудь взгляд. Тщетно. Мимо прошли, наверное, сотни человек, и ни один не взглянул мне в лицо, словно мое поведение было чем-то не просто неуместным – неприличным. Вдруг – о чудо! – в толпе показался мужчина, он шел и улыбался в пространство, но при желании можно было отнести эту улыбку и ко мне – любопытной праздной гайдзинке. Я вздохнула с облегчением, но не тут-то было: он прошел мимо, по-прежнему глядя прямо перед собой, все с той же неменяющейся широкой улыбкой, застывшей на лице, словно маска безумия. «Роботы», - пораженный не меньше моего, сказал стоявший рядом журналист Андрей Архангельский. «В Москве такого не увидишь», - невпопад ответила я.

На суперскоростном поезде, развивающем скорость до 300 км/ч, мы выехали в Киото. Легендарный «синкансен», способный воздушной волной сбить с ног человека, внутри похож на самолет. У широких кресел нет ремней безопасности – за те 35 лет, что эти поезда ходят по железным дорогам Японии, не было ни одной аварии со смертельным исходом. До своих штатных 270 км/ч поезд разгоняется быстро, но почти неощутимо. Почему-то у японцев в обычае брать в такие поезда бенто (специальные коробочки с едой). Кресла в вагоне могут поворачиваться вокруг своей оси – те, кто едет компанией, разворачиваются лицом друг к другу, и на какое-то время вагон превращается в большую столовую – все сидят и дружно уминают свои рисовые шарики. Но что сильнее всего поражает в концепции комфортного путешествия по-японски, так это разнообразие туалетов. Они есть в каждом вагоне, причем всех сортов сразу: high-tech с кучей кнопок и пояснениями на чистом японском языке («Не забудьте протереть сиденье для удобства следующего посетителя» - единственная надпись на английском), japanese-style с инструкциями-картинками – те самые советские «дырки в полу», что еще можно найти у нас в местах, не затронутых модернизацией, туалеты для старцев, туалеты для младенцев – словом, любые, призванные удовлетворить самый изысканный и прихотливый вкус.

В Киото мы жили прямо на вокзале – в пятизвездочном отеле, зависшем над станцией железной дороги. Верная долгу журналиста, я отправилась на ночь глядя в близлежащий магазинчик, чтобы купить местных продуктов. Увы – ни мяса, ни рыбы, ни даже фруктов там не оказалось. В итоге я приобрела трогательно упакованное в индивидуальный «скафандр» вареное яйцо, две морковки, баклажан, коробку помидоров-черри (с фотографией пожилой деревенской четы в рабочих комбинезонах – явно из мелкого частного хозяйства), пакет молока и множество непонятных йогуртов и желе. Англоязычных газет там не нашлось, зато обнаружился богатый выбор эротических комиксов, причем лишь малая часть была защищена от «несанкционированного доступа» чем-то вроде крупноячеистой пластиковой сетки.

Из всего этого повышенный радиоактивный фон оказался лишь у молока – судя по показаниям прибора, оно содержало столько же цезия-137, сколько московская водопроводная вода. Пожалуй, вполне объяснимый результат: проверка молока на радионуклиды в момент закупки мелких партий от частных хозяйств не ведется, а вместо этого раз в две недели проверяется продукция молокозавода. Разумеется, такая система экономична и позволяет контролировать продукт, выходящий на рынок, но в то же время сказать, что «мышь не проскочит», тоже нельзя.

По сравнению с Токио Киото – древняя столица – выглядит небольшим провинциальным городком: здесь даже бары закрываются в 11 вечера. Разумные родители посылают сюда учиться своих детей – подальше от столичных соблазнов. Мы попали в Киото в прекрасное время – в городе готовились к фестивалю Гион-мацури. Обычно в Японии круглый год проводят десятки подобных фестивалей, но этот был особенным: впервые после трагических событий марта этого года страна получила возможность устроить праздник.

Готовился народ к Гион-мацури не хуже, чем американцы к Рождеству. Репетиции происходили каждый вечер, и каждый вечер по главной улице Киото с запада на восток текла огромная толпа людей, воодушевленных, словно футбольные фанаты после победы сборной Японии над сборной Бразилией. Наверное, случись что-то подобное в Москве, мы сочли бы происходящее массовой истерией или запоздалым визитом призрака коммунизма. Попав в эту толпу в первый раз, я с непривычки оторопела: сначала показалось, что меня сейчас сметут – тротуар был узкий, а народ шел навстречу плотным потоком. Но меня не то что не затоптали – ни разу не толкнули. Идущие навстречу люди (в основном молодежь, но попадались и пары с детьми) ничем не напоминали граждан, согнанных на казенное мероприятие – эта толпа несла с собой чистую, открытую, искристо-заразительную, беспримесную радость. На окружающих лицах не было заметно ни следа натужных идей вроде «патриотизма», «единения нации» или «верности историческим традициям» (хотя праздник имеет исторические корни) – народ словно собрался на семейную вечеринку. Одетые в кимоно парни и девушки выглядели настолько естественно, что казалось, эти халаты с поясом и деревянные сандалии они каждый день надевают в университет. Вот что такое настоящий праздник, подумала я. Собираются все вместе, и всем весело. Просто так, без пива, водки и сакэ.

Наверное, именно это и поражает нас в японцах – их способность объединяться и единым потоком двигаться в выбранном направлении. При этом не важно, что делать – поднимать экономику, чинить дороги, расчищать руины или всей страной отключать кондиционеры, чтобы экономить электричество. И только изнутри становится видно, какая сила позволяет отдельным атомарным частичкам соединяться в национальный организм. Эта сила – доверие. В Японии принято доверять, и это доверие почти телесно, оно проявляется во всем, от главного до мелочей. Стульчики для мытья в онсенах, «Не забудьте протереть сиденье для следующего посетителя», передаваемая обязательно из руки в руку, с неизменным прикосновением к вашей ладони железная сдача в магазинах, потрясающей вкусноты напитки в автоматах на каждом углу, люди, которые расшибутся в лепешку, но направят вас по верному пути в запутанных лабиринтах токийского метро... Один раз я зашла в маленький тесный магазинчик, торгующий крохотными безделушками ручной работы, и битых полчаса проторчала перед открытыми полками с колечками, заколками, вязаными брошками, бусинами и пуговицами, перебирая и разглядывая каждую вещицу. Наверное, при желании я могла бы полмагазина распахать по карманам, но продавщица не буравила меня взглядом и не стояла «над душой», – она тихо сидела на своем месте, спокойно предоставив меня самой себе. Разумеется, такой потрясающий уровень внутринационального доверия имеет и обратную сторону – найдутся личности, которые при виде гайдзина прикроют нос веером, но... Закрытость японцев и их открытость – как черное и белое, здесь нет всех цветов мультикультурной радуги, как в Америке или Европе, и в этом-то вся и прелесть.

Автор: Ирина Лаврентьева © Русский репортер В МИРЕ, РОССИЯ 👁 6001 14.12.2011, 12:23 📌 386

URL: <https://babr24.com/?ADE=100676> Bytes: 15138 / 14619 [Версия для печати](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Ирина
Лаврентьева.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasylar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)